

ВРЕМЯ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

© Е. В. Савенкова

Савенкова
Елена Владимировна
доцент
кафедры философии
Самарская
гуманитарная академия

В статье представлен анализ различных форм переживания времени, конструирующих массовое сознание сегодня. Механизмы организации смысла в массовой культуре понимаются здесь как многомерные, включающие в себя не просто переживание времени повседневности, динамику соотношения свободного и рабочего времени, но и архаические структуры, претерпевшие трансформацию в массовом сознании.

Ключевые слова: время, массовое сознание, архаическое сознание, миф, рабочее время, свободное время, время спектакля, масс-медиа.

«Хочу, чтобы было интересно!», «Как провести время?!», «Нужно уметь распорядиться временем!», «Давай развлечемся!». Так проговаривается в языке повседневности некое коллективное тотальное беспокойство. Созерцая нескончаемые ток-шоу на телевидении или слушая передачи коммерческих радиостанций, невольно ловишь себя на мысли, что в них нет никакого содержания, кроме несколько нервного желания заполнить время словами (образами), заполнить время хоть чем-нибудь, а именно — различными средствами, имитирующими событийность там, где никаких значимых «событий» в принципе быть не может. Странные метаморфозы претерпевает время сегодня. Повседневность допускает все что угодно, только не пустоту¹, не

¹ Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что даже «попусту потраченное время» — это не «пустое время», течение которого, например, подробно описано в романе Гончарова «Обломов». Парадокс в том, что за такое «пустое» время (точнее — его размытое исчезновение) сегодня нужно еще побороться.

молчание. Важно каким угодно способом «удержать» аудиторию, заполнить несущееся неровным аллюром время, чтобы избежать ситуации «молчания», ибо фигура молчания в современной массовой культуре крайне опасна и нежелательна. Молчащее время даже не просто нежелательно, но скорее непереносимо.

Здесь мы постараемся рассмотреть несколько возможностей отношения со временем, которые отчетливо прослеживаются сегодня. Поскольку массовое сознание не однородно и представляет собой некий слоеный пирог, попробуем зафиксировать основные «слои», составляющие структуру массового сознания. Мы остановимся на трех вариантах отношения со временем, которые как раз и позволяют проблематизировать структуру массового сознания: 1) время в архаическом сознании; 2) время «неоархаики», развернувшееся в массовой культуре; 3) время производства индустриального и постиндустриального типа.

Вопрос об отношении со временем может рассматриваться в двух планах: с одной стороны — восприятие времени, некая условная психология времени, с другой стороны — формирование реальности на базе этого восприятия. При анализе времени в массовом сознании постараемся учесть обе эти возможности.

Сегодня время распадается на два потока, иногда параллельных, в евклидовом духе, иногда пересекающихся, в духе неевклидовой геометрии. С одной стороны — рабочее время: здесь практикуется управление временем, извлечение максимальной пользы из правильно организованного времени. Здесь время — это деньги, и чем лучше инвестиции, тем выше искусство власти относительно себя. С другой стороны — свободное время: здесь важно правильно его провести, не потратить даром, ведь время — это ценность, оно вырывает человека из рутинной и погружает его в особое поле, в котором мы надеемся наконец на удачное совпадение, совпадение с самим собой.

Однако, несмотря на столь четкую и прозрачную структуру, время становится полем беспокойства, поглощающим смыслы. Для современного общества ориентированность во времени, настроенность на развитие, понятие прогресса становятся отличительными характеристиками. Но вместе с этой настроенностью нарастает настроение несовпадения со временем, боязнь не успеть выполнить некую программу. Таким образом, полагание себя в потоке прогресса не лишает ощущения безоружности перед временем, которое предстает обесмысленным, десакрализованным. Стоит отметить, что подобное настроение несовпадения со временем является побочным эффектом развития исторического сознания, а также продуктом индустриального общества, наращивающего скорость производства-потребления и меняющего ритм жизни.

С появлением «свободного времени» появляется озабоченность, каким образом его потратить. Формируется устойчивое несовпадение человека и времени его жизни. Любопытно, что пространство «свободного времени» а priori оценивается как пустое и бессмысленное. Его надо содержательно заполнить правильными образами — скажем, написать для себя и других некое сочинение на тему «Как я провел лето (вечер, выходные, отпуск и т. п.)». Эти

«правильные» образы проведения времени и формируются в массовом сознании посредством СМИ и прочих продуктов массовой культуры.

Помимо индустриального способа полагать себя во времени, сегодня можно говорить о тенденции архаизации современного общества, обозначая историко-культурную ситуацию как «неоархаику»². Архаический характер проявляется во всех культурных пластах и явлениях, наиболее же полно он воплощается в феноменах массовой культуры. Преобладающее большинство жанров массовой культуры выступает как совокупный современный миф со всеми его атрибутами, как своеобразная мифология, существующая не только в форме идеологии, но и в виде реализации базовых архаических структур сознания, среди которых своей фундаментальностью выделяются архетипы пространства и времени. Речь, конечно, не идет о регрессе массового сознания к архаическим формам; архаика и миф здесь вообще не оценочные категории. Скорее можно говорить о том, что в массовом сознании проявляются сами мифологические структуры, тогда как его содержания могут и не быть мифологическими.

Итак, попробуем указать на те общие моменты в восприятии времени, которые формируются как в архаическом, так и в массовом типах сознания.

Время в архаическом сознании

Для начала, определяя мифическое время вслед за М. Элиаде, можно выделить следующие характерные черты: 1) оно обязательно мистически наполнено, его сакральное содержание восстанавливается в ритуальных действиях; 2) время прерывно, так как не существует определенного развития, но имеют место отдельные события из жизни мифических героев, которые четко не ориентированы во времени относительно друг друга; 3) время разнородно как по смыслу, придаваемому ему разными ритуалами, так и по возможности действовать тем или иным образом в определенный период дня; 4) время обратимо или циклично, постоянно воспроизводится в ритуалах и никогда не предается забвению в повседневности; 5) но оно же и конечно, так как в любой мифической культуре существуют мифы, повествующие о начале мира (то есть начале времени) или о конце мира (а конец мира и есть конец времени); 6) в мифическом сознании нет четкого разграничения прошлого, настоящего и будущего — эти модусы времени переживаются столь же реальными, как и настоящее.

Теперь постараемся кратко зафиксировать структуру мифического восприятия времени.

Ключом к пониманию мифа М. Элиаде считает различие повседневного (профанного) и сакрального. Миф, то есть событие, которое он описывает, не принадлежит миру повседневности. В нем конструируется новая реальность — сакральная реальность и сакральное время, отличное от повседневного времени.

Прерывность мифического времени отчетливей всего видна в том, что события, о которых рассказывается в мифах, следуют друг за другом толь-

² Чуйн-Русов, А. Книга новой архаики // Общество и книга: от Гуттенберга до Интернета. М., 2000. С. 24.

ко потому, что одно из них есть непосредственный результат другого, вытекает из него, но не потому, что одно из них произошло во времени раньше другого. Жизнь мифического персонажа — это не движение от рождения к смерти, а нечто постоянное и устойчивое. Время есть только тогда, когда происходит какое-то значимое событие, когда же ничего значимого не происходит, то нет и времени. Стало быть, сакральное время (как время в мифологическом сознании) противопоставляется повседневности, то есть тому периоду жизни, в котором не происходит никаких значимых событий.

Кроме того, мифическое прошлое носит особый статус и как бы совпадает с настоящим. Это можно обнаружить и на грамматическом уровне, например, в эддических мифах, где формы прошедшего времени часто чередуются с формами настоящего времени. То же можно сказать и относительно мифологического будущего, которое всегда уже присутствует здесь и сейчас, но в особом качестве — в форме прорицания.

Для мифологического сознания мир и человек существуют только потому, что сверхъестественные существа творили «в начале всего». Таким образом, сакральное время содержит в себе креативную силу. Рассказ о прошлом, о «том времени» до всякого времени, неразрывно связан с настоящей жизнью, прошлое реально и постоянно воспроизводится как повседневной деятельностью человека, так и сакральными ритуальными практиками. То, что произошло «в начале всего», может повториться в силу ритуального воспроизведения, главное — знать миф и точно следовать воспроизводимой фабуле. Новое здесь — это обновленное вечное, а не то, что еще никогда до сих пор не случилось.

Таким образом, время архаического сознания принципиально обратимо. Представление об обратимости времени — это и отсутствие некоего проекта прошлого и будущего. В каком-то смысле обратимость времени намного естественнее привычной нам линейности. Одного знания мифа для обратимости мифических событий недостаточно, его необходимо воспроизводить, демонстрировать. В повторении мифов восстанавливается во всей целостности забытое время и, как следствие, человек в определенной мере становится «соучастником» упоминаемых событий, современником богов и героев. «Проживая» мифы, он выходит из линейного повседневного времени и вступает в пределы качественно иного времени, времени сакрального, одновременно исходного, первоначального и повторяющегося.

Время в восприятии первобытного человека неоднородно. Л. Леви-Брюль, например, насчитал пять разных типов времени, которые, по верованиям даяков, благодаря своим особым свойствам, определяют течение дня: 1) восход солнца, хорошее время для начала всякой работы. Удачей считается родиться в это время, но тогда же не следует отправляться на охоту, рыбную ловлю или в путешествие — счастья не будет; 2) около 9 утра — момент несчастливый для любых начинаний, но в это же время можно не опасаться бандитов в дороге; 3) полдень — час сражений: повезет врагу, разбойнику, охотнику и рыболову, но не путешественнику; 4) на закате период удачи более краток³. К подобному дроблению дня мы не можем

³ Леви-Брюль, Л. «Первобытное мышление» // Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. В. Петухова. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 137—138.

относится как к распорядку или плану — это действительно качественно разные времена, которые необратимо случаются с человеком, а не планирование действий.

Итак, в рамках традиционной культуры время воспринимается как неоднородное, и не только в смысле разнообразных значений, придаваемых ему различными ритуалами, — всегда в потоке дней противопоставлялись удачные и неудачные периоды. Такое измерение времени М. Элиаде называет «иерофантическим» — то есть моментом максимальной явленности сакрального, что в целом справедливо, поскольку так переживаемое время было бы некорректно называть событийным.

Иерофантическое время откровения конструируется ритуальными действиями, что делает его непрерывным и однородным, но только в рамках одного конкретного ритуала. Любой ритуал таким образом не только повторяет предшествующий, совершенный ранее, но и продолжает нечто единое. Иерофанию можно рассматривать как моменты выхода в Великое Время, которое в эти несколько мгновений разрывает профанную последовательность событий.

Периодические повторения, возвращение событий «того времени», происходящие в ритуалах, переживаются как актуальное, вечное настоящее. Каждый ритуал совершается «сейчас», сию минуту, как и события, которые этот ритуал воспроизводит. Как бы давно это событие ни произошло «в первый раз», оно при совершении ритуала актуализируется, происходит «сейчас».

Совершением ритуала первобытный человек помещает себя в мифическое время. Это время протекает циклично. Например, праздники, как парадигмальные события, случающиеся в мифическом времени, повторяются периодически. Среди периодических праздников, происходящих в сакральном времени, или, как указывал Марсель Мосс, в вечности, можно выделить сезонные праздники, в которых помимо простого воспроизведения сакральных событий проглядывает желание разрушить профанное время, воспринимаемое как прошлое, и установить «новое время».

Но, несмотря на то, что посредством ритуальных практик и припоминания мифических событий время переживается в первобытных обществах как циклическое, обратимое, оно все же еще и конечно.

Довольно радикально различив вслед за Элиаде сакральное и профанное время, стоит отметить, что уже традиционные культуры, застроенные на данной оппозиции, порождают еще один тип отношения со временем, не укладывающийся в рассмотренную выше конструкцию. Это время можно определить здесь как досуг. Подкрепленный определенным экономическим благосостоянием общества в целом и индивида в частности, досуг выпадает и из сакрального поля смыслов, и из повседневного упорного выживания. Именно досуг наиболее близок к ощущению пустого времени, поскольку принципиально никому не принадлежит и никому не подотчетен. Время досуга в античной культуре, например, связано с формированием философии. Но досуг как неотъемлемый признак благосостояния (реже — странности, как в случае Сократа или Фомы Аквинского) — не то же самое, что свободное время. Сегодня досуг — непозволительная роскошь. Общество спектакля заполняет пустоту быстрее, чем она успеет сформироваться.

Время спектакля.

Инверсия архаических структур в массовом сознании

В ситуации, когда свободное время является массовым достоянием, становится возможным такое явление как «массовая культура» (противостоящая классической культуре, оберегающей личность и ее досуг), в которой все большая роль принадлежит «массовой информации».

Погрузив человека в поток «всегда срочных» сообщений, СМИ разорвали «цепь времен», создали совершенно новый тип времени — время спектакля, время без действительной памяти. Здесь мы в определенном смысле можем наблюдать сходство с рассмотренными выше структурами архаического сознания. Ритуал, который разыгрывался в особом месте в особое время, в каком-то смысле так же не имел «режиссера», как и сегодняшнее медийное поле тотальной игры. Существенно различается и количество значимых событий. Если для мифического сознания это память о первопредке, который совершил ряд парадигмальных деяний в «те времена», то в современном обществе медийная память подает любое незначительное событие как парадигмальное, в результате преизбыток парадигм ведет к необязательности содержаний «сценических» действий. Сегодня достаточно, чтобы действие освещалось медиа, и оно уже «священно» на некоторое время. В мифологическом сознании сакральное время, время ритуала четко отделено от профанного, повседневного времени: это различие подчеркивается и различием мест, одежды, атрибутов. Массовое сознание уже не стремится четко разграничить время жизни и время спектакля, в результате мы сталкиваемся с болезненным искажением границ реальности. Но и в массовой культуре узнается разделение на сакральное и профанное время. В профанном времени находятся люди, в сакральном — звезды массовой медиа. Так всем известно, что при определенных обстоятельствах обыватель может выпасть из профанного времени и прикоснуться к «вечности». Здесь время выполняет особую функцию, которая, возможно, является ключевой, — оно вырывает из повседневных обстоятельств и погружает в особое поле надежд и чаяний, в котором человек перестает существовать как целостность и переживает эпизоды двух автономно существующих реальностей, чередующихся между собой. Можно говорить о своеобразной культуре подглядывания за небожителями или за теми, кто близок к богам в силу невероятного успеха, богатства, роскоши и т. п. Подобное время «созерцания» воспринимается как почти сакральное, как время медийной иерофании.

Можно с полной уверенностью говорить о разнородности и времени в мифологическом сознании, и времени, формирующегося в сознании человека массовой культуры. Прежде всего, это расщепление целостности времени на магико-религиозное (сакральное) и повседневное (профанное), о чем уже говорилось выше. Хотя, как мы могли видеть выше, архаическое сознание допускает и своего рода микроиерофании, различая удачное и неудачное время. Причем, здесь удачное время — это всегда время потенциальной удачи. Массовая культура, во многом сформировавшаяся на фоне индустриального производства, себе такой роскоши позволить не может, потому различие удачного и неудачного времени вынужденно накладывает-

ся на различие рабочего и свободного времени. Удача здесь следствие активной деятельности, она всегда актуальна.

Если выше мы указывали на то, что время мифа циклично, то о медийном времени скорее можно сказать, что оно тавтологично. Хотя и в первом и во втором случае используется техника повторения, но мы можем заметить, что сегодня время воспринимается как необратимое, линейное, но в некотором роде необязательное. Для представителей же архаического общества необратимость событий не очевидна, а время воспринимается циклично. Здесь ход циклического времени осмысливается как навечно установленный сценарий «первособытий» с неизбежно воспроизводимыми последствиями. Этот сценарий вновь и вновь проигрывается в ритуальных практиках. Потому ритуальный спектакль, воспроизводящий время творения, носит строго обязательный, жесткий характер, не допускающий вольности в обращении с сюжетом.

Время спектакля, в отличие от исторического времени, становится не общей ценностью, благодаря которой человек вместе с другими людьми осваивает мир, а разновидностью товара, который потребляется индивидуально в стандартных упаковках. Один спектакль стирает другой. Общество спектакля — это «вечное настоящее». Как пишет Г. Дебор: «Оно [“вечное настоящее”] достигается посредством нескончаемой череды сообщений, которая идет по кругу от одной банальности к другой, но представленных с такой страстью, будто речь идет о важнейшем событии»⁴.

В современном медийном пространстве повторение — скорее один из тех «психологических трюков», которые удобно располагают рассудок в привычном поле стереотипов. Поэтому и сложно назвать время массовой культуры цикличным в чистом виде, это, скорее, тавтологическое время: по структуре оно повторяет цикл времени мифологического, но по содержанию преследует совсем иные цели, повторение осуществляется не в качестве знака сакральных смыслов, но в качестве механизма, определенным образом воздействующего на массовую аудиторию.

События «вчерашнего дня» в СМИ сменяются «очень важными» событиями «сегодняшнего дня», и так каждый день. Большие объемы сообщений, среди которых процент действительно важной информации очень низок, искусственно созданная сенсационность, забвение в сегодняшних информационных выпусках «вчерашних сенсаций» — все это отключает кратковременную память для того, чтобы в сознании, не дай бог, не создалось целостной картины происходящих событий. Разрывая информацию о важном событии, удается резко снизить воздействие сообщения или вообще лишить его смысла.

Время медийного спектакля, его длительность, в отличие от времени повседневной, будничной жизни, можно назвать сакральным. По крайней мере, оно занимает именно это место в структуре сознания. Хотя здесь и не проводится четких границ между временем повседневной жизни и временем спектакля. Время спектакля все больше становится временем пассивного созерцания, и оторваться от этого занятия затруднительно, так как пе-

ред глазами массового человека проходят образы, гораздо более яркие, насыщенные, чем те, что он видит в своей обычной жизни.

Время — деньги. Ценность времени вчера и сегодня

Фразой «Время — деньги» Франклин обозначил принцип полагания себя во времени, который доминировал несколько столетий. Становление индустриальных обществ связано с увеличением значения регулирования и измерения времени. Несмотря на то, что механические часы были изобретены в конце X в., они не нашли широкого применения в повседневной жизни и вскоре были забыты. Их новое рождение состоялось в XIII в., но лишь с распространением железных дорог понадобилось ввести единое время, синхронизировать часы.

Важнейшими характеристиками мира индустриального были поставленные на службу человеку процессы «превращения вещества и энергии», а важнейшим делом человека — производство материальных благ, добыча, переработка, транспортировка сырья и готовой продукции, при этом сам человек рассматривался как «производительная сила», причем главная. Важнейшей характеристикой общества постиндустриального является производство, хранение и передача информации. Эта тенденция накладывает отпечаток и на отношение со временем. Подобно тому как «производство» все менее становится материальным, инвестиции времени в производство все менее жестко связываются с инвестициями тела. Время сегодня приобретает виртуальный характер.

В индустриальном обществе в период его расцвета «рабочий класс и трудовое крестьянство» составляли большинство населения. Рабочее время участника производственного процесса составляло большую часть жизни каждого человека как социального существа. Остальная же часть жизни воспринималась как неизбежная потеря рабочего времени, что являлось следствием несовершенства человека как «производительной силы» (ведь человеку, к сожалению, приходится спать, тратить время на еду и другие формы восстановления сил). К этой неизбежной потере времени относилось и то время, которое нужно было потратить на образование и на социальную адаптацию. В обществе постиндустриальном рабочие и крестьяне не только не составляют большинства социально активного населения, но, в прежнем значении слов, вообще постепенно исчезают. «Мозолистые рабочие руки» и грязные спецодежды, которые воспевались в песнях и фильмах эпохи развитого социализма, теперь свидетельствуют, скорее, об отсталости производства.

Сегодня страна, экономика которой держится главным образом (или же целиком) на производстве «материальных благ» (или же сырья), считается частью второго эшелона современной цивилизации. Она входит в состав «третьего мира», судьба которого — обслуживать потребности населения передовых стран, стран, которые либо сами производят информацию, в том числе и новые технологии, либо владеют и распоряжаются ею. Из этого не следует, конечно, что производство материальных благ постепенно становится для человека ненужным делом. Дело в том, что удельный вес этого вида деятельности в составе совокупной деятельности уменьшается.

⁴ Дебор, Ги. Общество спектакля. М., 2000. С. 64.

Уже Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» среди четырех признаков специфически капиталистической организации деятельности выделяет рациональную организацию свободного труда в форме предприятия. Специфически новыми — по сравнению со всеми предшествующими историческими формами экономической деятельности — здесь являются три элемента: способ организации труда (рациональность), характер труда (формальная свобода) и форма его организации (предприятие).

Однако еще до выявления главной конститутивной черты индустриального капитализма Вебер конкретизирует и проблематизирует тот первичный человеческий интерес (стремление к наживе), который лежит в основании капиталистической экономики.

Как подчеркивает Вебер, именно точная калькуляция, учет выступает фундаментом всех последующих экономических операций нового типа. Имеется в виду не только бухгалтерская калькуляция прибыли, но и учет рабочего времени, который становится формой жесткого контроля и стандартизации. В каком-то смысле капитализм начинается с массовой привычки прибывать на рабочее место к определенному времени и проводить там строго фиксированную часть дня. Здесь также важно отметить существенную связь, которая наблюдается между рациональностью и свободой: точная калькуляция издержек, затрат и доходов возможна только при наличии строго нормированного рабочего дня, то есть при использовании свободного труда.

Постиндустриальное общество информационного типа, напротив, избегает учета рабочего времени, уклоняясь от этой сегодня во многом репрессивной процедуры. В ситуации виртуализации деятельности производительность труда связывается не столько с графиком работы, сколько с повышенной результативностью.

Кроме того, по Веберу, экономическая сфера буквально выделяется в самостоятельную область интересов и приложения усилий, обретает относительную автономию от политической жизни. Это в свою очередь влечет за собой обособление новых экономических форм еще с одной стороны: происходит их отделение от сугубо традиционного способа ведения хозяйства. Другими словами, речь идет об отделении предприятия от домашнего хозяйства — Как следствие, происходит юридически оформленное разделение капитала предприятия и личного имущества предпринимателя. Но информационное общество нового типа и здесь вносит свои коррективы, фактически поворачивая механизмы вспять — в эпоху виртуального производства виртуальных же ценностей зачастую пространство труда и жизни — это одно и то же пространство. В связи с этой тенденцией изменяется отношение к значению «свободного времени».

Можно сказать, что в странах, выступающих центрами глобализирующейся экономики, возникает своего рода «капитализм без труда», подталкивающий к осторожному, но настойчивому свертыванию институтов социального партнерства между работодателями и их работниками, ослаблению и игнорированию законодательства о труде.

Для подкрепления этой картины Бауман приводит такие данные. Например, в достаточно благополучной Великобритании полный рабочий день

(в классическом смысле слова) в настоящее время занята только треть работоспособного населения, тогда как еще 20 лет назад этот показатель составлял более 80%. В соседней Голландии «работа стала относиться к классу высоких, едва ли не спортивных достижений, практически недоступных для большинства людей средних способностей, ищущих им приложения; а спорт, как известно, имеет ныне тенденцию утрачивать характер популярного времяпрепровождения и превращается в конкурентное элитарное занятие, предполагающее большие денежные ставки. Та незначительная часть населения, которая имеет работу, трудится весьма упорно и эффективно, в то время как остальные стоят на обочине, не будучи в состоянии поспевать за темпами производства»⁵.

Для очень многих людей это означает конец трудовой деятельности в ее традиционном достаточно устойчивом смысле. Происходит массовый переход к работе по несколько часов в неделю, по краткосрочным контрактам либо вообще без всяких оговоренных гарантий, лишь до «очередного уведомления».

Если сравнить эту ситуацию с тем, что имело место в эпоху классического индустриализма, то выявляются поразительные различия. «Получая свою первую работу на фабриках Форда, молодой подмастерье мог быть вполне уверен, что завершит свою трудовую биографию на том же самом месте. Временные горизонты эры “тяжелой модернизации” были долгосрочными. Для рабочих эти горизонты были обозначены перспективой пожизненной занятости в компании, которая может и не быть бессмертной, но продолжительность жизни которой распространяется далеко за пределы срока, отпущенного ее работникам... Согласно последним подсчетам, молодого американца или американку со средним уровнем образования в течение их трудовой жизни ожидают по меньшей мере одиннадцать перемен рабочих мест, и эти ожидания смены точек приложения своих способностей наверняка будут нарастать, прежде чем завершится трудовая жизнь нынешнего поколения»⁶.

По мнению Сорочайкина, «именно эти изменения, обозначаемые современным исследователем как “политэкономия неопределенности”, являются питательной почвой для появления “новых бедных”»⁷. Нарастание неустойчивости, негарантированность социального статуса приводят к тому, что время воспринимается как сплошной поток, одновременно, потенциально включенный в производство и развлечение. Некогда четкая грань свободного и рабочего времени сегодня стирается.

Фактически еще одна характеристика постиндустриального общества — устойчивый рост доли времени, которое называют «свободным». Сюда входит и праздное времяпровождение перед телевизором, и посещение театра, и работа на дачном участке, и прогулка с детьми, и чтение книг, и занятие спортом, туризм — все то, что происходит тогда, когда человек не участвует в производственном процессе. Но нельзя, однако, сказать, что

⁵ Бауман, З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 30.

⁶ Там же. С. 28—29.

⁷ Сорочайкин, А. Н. Философия экономики. М., 2005. С. 73.

сегодня в «свободное» время человек полностью выключен из процесса производства. В свободное время человек участвует в процессе потребления, тем самым стимулируя процесс производства как духовных благ, так и материальных. Таким образом, пусть и опосредованно, но человек никогда не выпадает из производственного процесса.

При этом важно отметить, что свободное время становится массовым достоянием. Но свободное время — это не пустое время, и оно не освобождает от включенности в социальные связи общества потребления. Соответственно, наиболее быстрыми темпами развивается «индустрия отдыха», с ее специфической материальной базой, развитой инфраструктурой, гостиницами, барами, игорными заведениями, спортивными сооружениями, которые предназначены не столько для спортсменов, сколько для болельщиков, со своими СМИ, которые формируют рынок потребителей свободного времени.

Итак, рассмотрев три варианта отношения со временем, можно определить структуру массового сознания как многосложную, сочетающую в себе и инверсии архаических механизмов смыслопорождения, и инверсии идеалов рациональности в логике производства. Если время в архаическом сознании моделируется через переживание границы сакрального и профанного, то трансформация времени «неоархаики», развернувшаяся в массовой культуре, придерживается аппозиции времени повседневности и времени спектакля, где время спектакля переживается как «сакральное». Но если в первом случае миф рассматривает ритуал как необходимое действие возобновления мира в строго установленные сроки, то массовая культура, проявляя логику преизбытка, тяготеет к стиранию времени повседневности в пользу времени спектакля. «Трудовые будни — праздники для нас» — вот кредо участников и зрителей многочисленных реалити-шоу. Таким образом, архаический праздник как ритуал обновления становится своей противоположностью — повседневным действием. Время праздника утрачивает сегодня исключительность и становится повседневным элементом общества потребления. Наряду с подобной логикой общества спектакля здесь также прослеживается переход от переживания времени производства индустриального и постиндустриального типа. Сегодня еще сохраняется привязанность к четкому делению на рабочее и свободное время, и массовое сознание полагает себя в рамках этой аппозиции, но уже формируется новая тенденция, стирающая границы времени производства и времени отдыха, поскольку само производство все больше приобретает виртуальный характер. В силу этой тенденции рабочее время утрачивает свои репрессивные черты, поскольку рассеивается внешний источник давления (работодатель). Но и свободное время утрачивает индивидуальные черты, поскольку теперь оно принадлежит полю масс-медиа.